

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: РИСКИ КОНФЛИКТНОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Е. А. Авдеев

Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 55017, Ставрополь, ул. Пушкина, 1

С. М. Воробьев

Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 55017, Ставрополь, ул. Пушкина, 1

В статье рассматриваются социокультурные основания российской, этнической, конфессиональной и региональной идентичностей студенческой молодежи Северного Кавказа. Анализируется влияние уровня сформированности этих идентичностей на характер межэтнических отношений, социальную дистанцию между основными этноконфессиональными группами и риски социокультурной конфликтности идентичностей. Результаты социологического исследования 2022 г. показали высокую степень выраженности и позитивности социокультурных оснований российской, этнической и региональной идентичностей. В значимости эмоционально-психологической связи с основными социальными группами (этнос, конфессия, страна, регион) установлена существенная вариативность в зависимости от национальной принадлежности респондентов. Объединяющие социокультурные смыслы и символы занимают важное место в структуре российской идентичности молодых людей. Среди молодежи преобладают установки на межнациональное согласие, толерантность, этнокультурное взаимодействие и интеграцию. Социальная дистанция между студентами, относящими себя к основным этноконфессиональным группам, незначительна. Оценки респондентов подтверждают тенденцию к деполитизации этничности и уменьшению конфликтности основных макрогрупповых идентичностей. При этом сохраняется конфликтный потенциал социокультурных оснований самосознания молодых людей.

Ключевые слова: Северный Кавказ, молодежь, межэтнические отношения, риски конфликтности, идентичность, социальная дистанция.

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ — уникальный регион, его отличает полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, в котором преобладают две основные этносоциальные группы: русское и северокавказское население. Исторически

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых — кандидатов наук № МК-431.2021.2.

Северный Кавказ был более архаичным и традиционным, чем другие регионы европейской России. Население отличалось свободолобием, приверженностью к своей земле, обычаям и традициям. В советский период в политической и социальной сферах происходили коренные изменения, приведшие к трансформации социокультурных оснований идентичности основных народов региона. В большей степени это коснулось русского населения, у северокавказских народов во-многом сохранялась традиционная структура этнических сообществ, многие традиционные ценности, такие как социальная иерархия, этногрупповая солидарность, традиционная семья и ярко выраженное религиозное сознание. В настоящее время на Северном Кавказе происходят разнонаправленные процессы, наряду с модернизацией всех сфер социальной жизни имеет место и реактуализация ряда традиционных социально-политических институтов и практик, этноклановых и родовых идентичностей. Значимость для полиэтничного населения групповых, этнических и конфессиональных интересов создает риски политизации идентичностей и перевода конфликтов за экономические ресурсы и политическое влияние в межэтнические и межконфессиональные столкновения. Продолжают сохраняться и различия в приоритетах идентичности между представителями северокавказских народов и русским населением региона, в ряде случаев имеет место и противопоставление «мы и другие».

Несмотря на огромное разнообразие этнических и конфессиональных сообществ, сегодня Северный Кавказ — это во многом единый регион, характеризующийся наличием множества социальных, экономических и культурных связей между его субъектами. Специфика региона делает его своего рода «барометром страны», так как характерные в целом для многонациональной России проблемы в нем оказываются во много раз более выраженными, продолжают сохраняться и риски актуализации деструктивного потенциала этнизации политики, возрастания роли этнической, конфессиональной и региональной идентичностей. Представления молодежи выступают индикатором социокультурных трансформаций, позволяют отследить содержание и направленность социально-политических процессов в полиэтничных регионах.

В сознании молодежи Северного Кавказа происходит трансформация социально-политических основ мировоззрения, возрастает значение модернистских и индивидуалистических установок. Эти процессы ведут к увеличению рисков конфликтности, обусловленных активным разрушением традиционных регуляторов социальной жизни и несформированностью подобных регуляторов, основанных на современных ценностях. Урбанизация и глобализация, включение молодежи в мировое инфокоммуникационное пространство, дальнейшая модернизация экономики и социальной сферы приводят к возрастанию рисков ценностных и мировоззренческих конфликтов в полиэтничных молодежных сообществах. Молодежь утрачивает традиционные идентификационные ориентиры и социальные нормы, включается в глобальное информационное пространство и находится в поиске новых социокультурных оснований самоидентификации. Она ищет эти ориентиры как в привычной культуре, языке, религии, ближайшем национальном окружении, так и в глобальных информационных по-

токах, транслирующих различные ценности: от абстрактного универсализма до крайних форм этнического, религиозного и национального фундаментализма. Для молодежи региона характерна широкая палитра социокультурных оснований групповых идентичностей, которые находятся в динамичном взаимодействии. Наиболее значимым вопросом является совместимость этих идентичностей, приоритетность для молодых людей общероссийского самосознания, поиск объединяющих все народы историко-культурных представлений, формирующих многонациональный российский народ. В регионе возможна реализация различных моделей развития этноконфессиональной и российской идентичности: от конкуренции и конфликта и до гармоничного сочетания на основе разделяемых всеми общих ценностных и социокультурных оснований.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Для маркировки принадлежности индивида к группе, объединенной общими ценностями и культурными установками, анализа ситуативных и социально обусловленных взаимодействий, происходящих в контексте соотношения норм и ценностей «своей» и «чужой» групп, ориентирования на значимые для «своей» общности ценностные установки и культурные паттерны используется концепт «социокультурная идентичность». Близким к понятию социокультурной идентичности является введенное Э. Гидденсом (A. Giddens) понятие «общая идентичность», которое он характеризовал как часто неосознаваемую уверенность в принадлежности к какому-либо коллективу (группе), общие чувства и представления, разделяемые членами группы, выраженные как в «дискурсивном», так и в «практическом сознании» [Giddens, 1985]. В процессе социального взаимодействия происходит включение индивидуального опыта в социальный опыт групп, формирование общих социальных, культурных и политических практик. Конструкт «групповая идентичность» (общая идентичность) отражает способность человека осмысливать себя и свое место в мире в процессе соотношения с другими, позволяет произвести многомерное картографирование мира, который находится в постоянном движении, определить наше место в этом мире и места других [Jenkins, 2010, p. 769]. Дж. Ротман (J. Rothman) определяет групповые идентичности как самовосприятия, наполненные «культурной формулой». Культурная формула предполагает опору на групповые ценности, потребности и предпочтения, при этом идентичности являются источником противоречий и могут стать катализатором конфликтов. Конфликтующие стороны могут воспринимать себя в качестве «персональных максимайзеров», ощущать себя носителями множественной идентичности или быть частью коллективного целого и вступать в конфликт на межгрупповом уровне. Идентичность при этом становится идеологической основой участников конфликта, наполненной индивидуальными и групповыми ценностями и смыслами [Rothman, Alberstein, 2013, p. 651–652]. Основные представления и смыслы, сформировавшиеся в сознании молодых людей и объединяющие их с другими гражданами страны, рассматриваются в качестве общероссийской идентичности [Дробижева, 2020, с. 482–483].

В современном научном дискурсе под конфликтом идентичностей понимается социокультурный конфликт, основой которого являются ценностные различия, актуализирующиеся в результате кризисов и трансформаций идентичности. В социальной теории феномен конфликта идентичностей привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Многие из них исходят из того, что источником конфликта идентичностей являются ценностные противоречия и различия. Так, Р. Брубейкер (R. Brubaker) и Д. Лейтин (D. Laitin) пришли к выводу об исчезновении в современном мире идеологического противостояния и его замещении масштабными ценностными столкновениями по оси этнических и конфессиональных различий [Brubaker, Laitin, 1998]. Конфликты идентичностей приобретают характеристики конфликта различных ценностных систем, семантических и символических интерпретаций. Мотивация сторон конфликта идентичностей выходит за рамки рационально понимаемых интересов. Они апеллируют к ценностям, защите групповых идентичностей, чувствам этнической, религиозной и других форм коллективной лояльности для отделения «своих» от «других».

Для полиэтничного Северного Кавказа потенциальный конфликт различных социокультурных оснований идентичности выступает одним из основных рискогенных факторов межэтнических отношений. Наибольшие риски представляет собой конфликтность различных оснований этнического самосознания полиэтничного и поликонфессионального населения региона. В современной этнополитологии преобладает понимание межэтнических конфликтов как конфликтов идентичностей. Т. Гурр (T. Gurr) отмечает, что «борьба в этнополитических конфликтах разворачивается не просто вокруг материальных или властных проблем, но ради защиты культуры группы, ее статуса и идентичности» [Gurr, 1997, p. 10]. В. А. Ачкасов пишет о том, что «этнополитические конфликты являются не только и не столько конфликтами интересов, сколько конфликтами идентичностей...» [Ачкасов, 2013, с. 50]. Ряд исследователей заявляет о том, что «истинным источником конфликта являются не некие материальные ресурсы, а идентификационные ценности» [Калинина, Мухудадаев, Сморгунова, 2017, с. 14]. В. В. Лапкин и В. И. Пантин остроту и сложность этнополитических конфликтов объясняют тем, что «они являются конфликтами не только интересов, но и различных систем ценностей, различных мировоззрений» [Лапкин, Пантин, 2016, с. 92]. Говоря о конфликтности межэтнических отношений, Д. Горовиц (D. Horowitz) отмечал: «Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности... что приводит к интенсификации этнической нетерпимости, конкуренции и, в конечном счете, к насильственному этническому конфликту» [Horowitz, 1985, p. 127]. Довольно часто основой эскалации межэтнических конфликтов является эмоциональное начало, заложенное в социокультурных стереотипах, мнимых или реальных исторических обидах, мифологизированных представлениях народов друг о друге.

Ряд российских ученых подчеркивает, что любой этнический конфликт одновременно является и этнополитическим, этничность становится основанием идеологического и политического противостояния [Тишков, Шабаев, 2011, с. 191–193; Ачкасов, 2013, с. 45]. Этнополитический конфликт характеризуется

тем, что этнические противоречия обретают характер «борьбы за реализацию определенных политических интересов» [Авксентьев, Аксюмов, Гриценко, 2020, с. 77]. При этом, по замечанию В. А. Ачкасова, не существует единственной переменной, объясняющей причины этнополитического конфликта, как и какого-либо монокаузального его объяснения. Практически во всех случаях эти конфликты являются многофакторными, имеют несколько объектов конфликта и проблемных зон [Ачкасов, 2021, с. 34–35]. В целом за последние годы на Северном Кавказе сформировалась тенденция, предполагающая умеренный конфликтологический сценарий развития межэтнических отношений. Этнополитические и этносоциальные конфликты находятся в замороженном или латентном состоянии, но позитивные изменения в экономической и социальной сфере недостаточны для необратимого изменения к лучшему [Авксентьев, Гриценко, 2018, с. 88–89].

Эмпирической основой исследования конфликтности социокультурных оснований групповых идентичностей молодежи Северного Кавказа стали результаты социологического опроса, проведенного авторами в феврале — марте 2022 г. Инструментарий опроса включал в себя перечневые, табличные, оценочные и открытые вопросы. Объектом опроса стали молодые люди в возрасте 18–24 лет, студенты ведущих вузов Северного Кавказа: Северо-Кавказского федерального университета, Ставропольского государственного аграрного университета и Ставропольского государственного медицинского университета (г. Ставрополь), Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск). Выбор в качестве объекта студенческой молодежи Северного Кавказа обусловлен ее значительной долей в когорте молодежи 18–24 лет и ее ведущей ролью в формировании ценностных оснований идентичности в регионе в силу ее образованности и социально-политической активности. Выборка по полу составила: 54 % девушек и 46 % юношей. Для анализа результатов исследования по этническому признаку ответы на вопрос «Кем Вы считаете себя по национальности?» были объединены в две основные группы: русские; народы Северного Кавказа. В выборку вошло 50 % русских, 40 % северокавказских народов и 10 % относящих себя к другим народам региона. Разделение выборочной совокупности на этнических русских и тех, кто относит себя к северокавказским народам, обусловлено одной из задач количественного исследования: выявление и сравнение сходств/различий представлений респондентов в зависимости от этнической принадлежности. Всего было опрошено 1235 респондентов. Опрос проводился в онлайн-формате.

Анализируя объединяющие представления молодых людей в процессе их самоидентификации с гражданами России, мы рассматривали социокультурные и эмоционально-психологические компоненты российской идентичности. Для выяснения оснований, по которым молодые люди идентифицируют себя с гражданами России, респондентам было предложено оценить значимость основных консолидирующих индикаторов российской идентичности, таких как: общее государство, русский язык, родная земля, ответственность за судьбу России, общее историческое прошлое и общие символы. Оценка ощущений близости (общности) по шкале «часто — редко — никогда» позволила установить

значимость российской идентичности в сравнении с этнической, региональной (край, республика), локальной (малая Родина) и конфессиональной. Отношение респондентов к российской, региональной, этнической идентичности определялось на основе шкал позитивности этих идентичностей, составленных на основе опросника MIRIPS. Ответы были предложены по 5-балльной шкале Ликерта: от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен [Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009, с. 231]. Выраженность данных идентичностей понималась нами как степень субъективного осознания молодым человеком себя в качестве части определенной социокультурной общности. Под позитивностью идентичностей понималось положительное эмоциональное отношение к определенной социальной общности. Под выраженностью российской идентичности — степень осознания принадлежности к российскому государству и российской культуре, ее позитивность обозначает эмоциональное отношение к такой принадлежности. Выраженность и позитивность этнической идентичности определялась осознанием принадлежности к своему народу и его культуре, а также эмоциональной оценкой такой принадлежности. Под выраженностью региональной идентичности понимался уровень эмоциональной связи с Северным Кавказом. В ходе обработки результатов был рассчитан средний балл по каждому ответу.

Позитивность межэтнических отношений и открытость молодежи к межэтническому взаимодействию измерялась на основе вопроса: «Сколько у Вас друзей другой национальности?». Для измерения напряженности межэтнических отношений было предложено оценить их состояние по 5-балльной шкале (1 — напряженность очень низкая, 5 — напряженность очень высокая). Также респондентам было предложено определить наличие/отсутствие в регионе проблемы в общении, взаимодействии людей разных национальностей и выявить главную причину межнациональных конфликтов. Величина социальной дистанции между русскими и северокавказскими народами, мусульманами и православными измерялась на основе шкалы Богардуса. Были предложены 5 вариантов действий или отношений с представителями указанных этнических и конфессиональных групп, каждому из вариантов присваивался балл: могу вообразить их своими родственниками, например, в результате заключения брака (5 баллов); представляю их как друзей (4 балла); принимаю их как соседей, коллег по учебе/работе (3 балла); не хочу рядом с ними жить, учиться/работать (2 балла); предпочитаю вообще не видеть их в своем городе (регионе) (1 балл). Максимальная оценка (5 баллов) свидетельствует о минимальной дистанции по отношению к определенной этнической или конфессиональной группе, минимальная оценка (1 балл), напротив, — о проблемах и потенциальной конфликтности межэтнических отношений. Данная шкала позволяет определить степень социальной дистанции и уровень межэтнической и межконфессиональной толерантности. Это дает возможность выявить стремление к взаимодействию и интеграции либо автономности и обособлению.

Значимость настоящего исследования связана с тем, что для Северного Кавказа особенно актуальной становится разработка и реализация единой символической политики, способной интегрировать в общенациональный кон-

текст культурные символы этнотерриториальных сообществ и сблизить расходящиеся интерпретации истории и исторической памяти. Купирование этнополитических конфликтов, курс на деполитизацию этничности становятся одним из приоритетов управления полиэтничными сообществами. В долгосрочной перспективе перевод «конфликта идентичностей» в «диалог идентичностей» невозможен без обращения к ценностному аспекту проблемы. Наряду с учетом символических требований, артикулируемых противостоящими сторонами под флагом «борьбы за идентичность», поддержки языков этнических меньшинств, необходима разработка и последовательная реализация программ в сфере культуры и образования, направленных на формирование и укрепление объединяющих нарративов.

Основные гипотезы исследования:

- В иерархии идентичностей сохраняются различия между русской и северокавказской молодежью. У русских по национальности молодых людей преобладает российская идентичность, у молодежи северокавказских народов — этническая и региональная (регионально-республиканская).
- Основными факторами конфликтности в молодежной среде выступают не социально-экономические противоречия, а социокультурные и мировоззренческие различия, носящие этнический характер.
- Несмотря на сегодняшнюю значительную стабилизацию, на Северном Кавказе по-прежнему сохраняется конфликтогенность, обусловленная рядом долговременных, присущих региону этноконфессиональных, этномиграционных, социально-экономических и территориальных проблем и противоречий. В этой связи оценки и представления студенческой молодежи в сфере социокультурных оснований идентичности и межэтнических отношений выступают одним из значимых индикаторов устойчивости и стабильности Северного Кавказа.

ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ

В современном мире национально-государственная идентичность начинает утрачивать свое прежнее нормативное значение, общенациональные ценности и символы девальвируются, а сам образ «классического» национально-территориального государства размывается, во многом теряя свое значение основного идентификационного ориентира в глазах молодежи. Следствиями этого становятся рост дезинтеграционных процессов, утрата былого внутреннего национального единства, фрагментация и сужение идентичности, всплеск субнациональных движений за политическое признание, автономию и независимость, рост диаспоризации современных обществ. Социокультурные изменения, связанные со многими факторами современности, выводят на первый план политической повестки внутренние вызовы, многие из которых обусловлены растущей дифференциацией и разнообразием современных обществ, углублением этнокультурных и ценностных размежеваний. В связи с этим респондентам было предложено оценить объединяющую роль основных символов-интеграторов российской идентичности. При ответах на вопрос «Объединяют ли Вас

с гражданами России следующие символы?» наиболее значимым консолидирующим индикатором, объединяющим всех граждан страны, для респондентов стало общее государство — 83 %, значимых различий по этнической принадлежности не выявлено. Не менее значимым интегратором является русский язык — 83 %, при этом значимость русского языка для народов Северного Кавказа ниже, чем для русской молодежи. Это связано с тем, что для северокавказской молодежи значимыми являются и их национальные языки. Следующим по значимости символом-интегратором является родная земля — 79 %. Важное значение для молодежи имеет и ответственность за судьбу России, а также общее историческое прошлое — 75 %. При этом общее историческое прошлое менее значимо для северокавказской молодежи (68 %), чем для русской (83 %). Можно предположить, что это связано с различными основаниями социальной памяти: в самосознании северокавказских народов продолжают жить «обиды», связанные с Кавказской войной, депортацией ряда народов в годы Великой Отечественной войны. При этом интерпретация отдельных исторических фактов зачастую приобретает конфликтный характер в связи с неоднозначностью трактовок и значимостью национальных версий истории для северокавказских народов. Государственные символы (флаг, герб) являются значимыми интеграторами для 74 % опрошенных, при этом для русских респондентов они являются более значимыми (82 %), чем для северокавказской молодежи (68 %) (см. рис. 1). Можно утверждать, что у абсолютного большинства опрошенных мо-

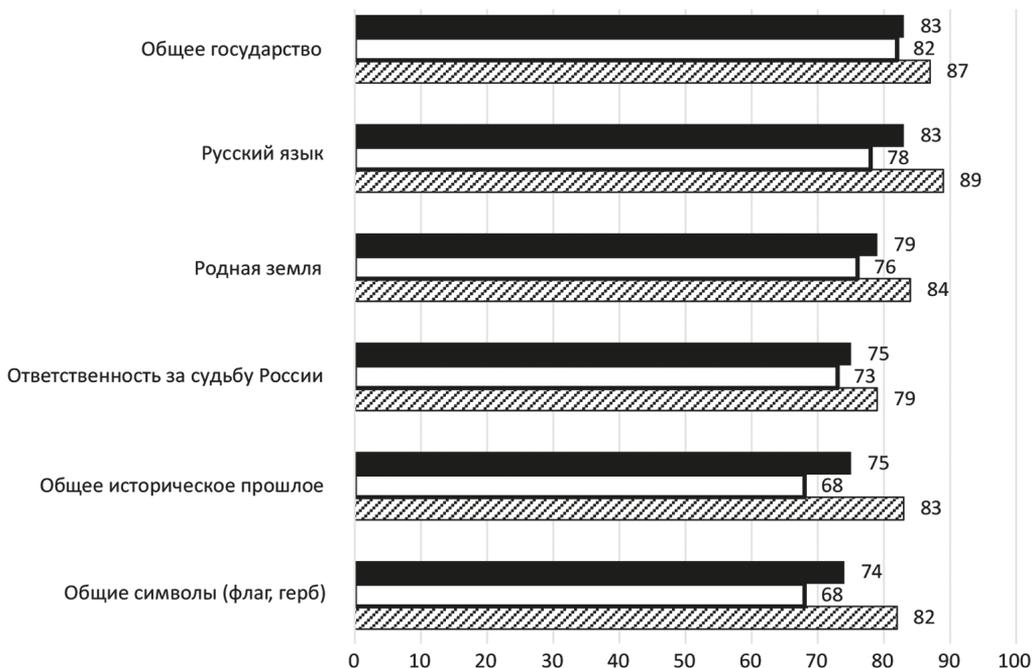

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Объединяют ли Вас с гражданами России следующие символы?» (СКФО, февраль — март 2022. N = 1235, % от числа опрошенных)

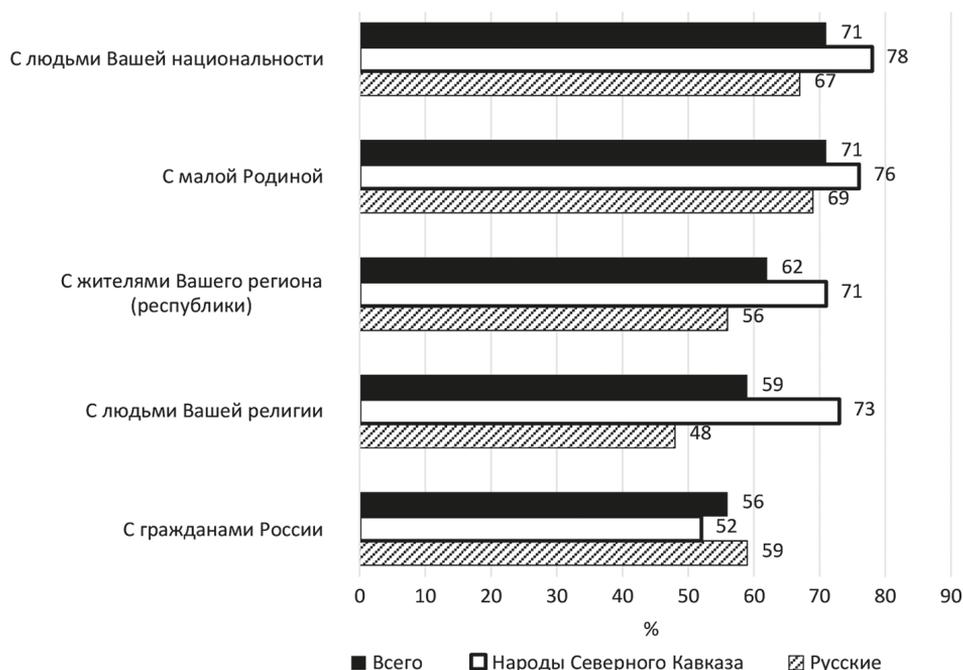

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы ощущаете свою общность, близость с...?» (СКФО, февраль — март 2022. N = 1235, % от числа опрошенных)

лодых людей сформирована российская идентичность. Такие объединяющие смыслы-символы, как общее государство, ответственность за судьбу страны, общее историческое прошлое, русский язык, родная земля, государственные символы, имеют большое значение для молодежи независимо от этнической принадлежности и занимают важное место в структуре российской идентичности. При этом для одной пятой части респондентов эти символы не являются объединяющими и утрачивают свое бывшее значение.

Одним из значимых маркеров сформированности основных групповых идентичностей является ощущение своей общности, близости с основными социальными группами (этнос, конфессия, страна, регион), ассоциация с которыми формирует идентичности молодых людей. Результаты настоящего исследования выявили приоритетность ощущения близости с людьми своей национальности и малой Родиной (71 %). Для респондентов, относящих себя к народам Северного Кавказа, ощущение близости с людьми своей национальности и малой родиной выше, чем для русских. Следующей по значимости выступает эмоциональная связь с жителями своего региона (республики) — 62 %, и представителями своей религии — 59 %. Важность эмоциональной связи со своим регионом и религией для респондентов, русских по национальности, ниже, чем для молодежи северокавказских народов. Ощущение близости с гражданами

России для опрошенных молодых людей менее значимо, чем со своим народом, малой родиной и религиозной общностью (см. рис. 2).

Степень выраженности и позитивности российской, этнической и региональной идентичности была рассмотрена посредством определения среднего балла по шкале Ликерта (от 1 — абсолютно не согласен, до 5 — абсолютно согласен) от общего количества оценок респондентами ряда утверждений. При рассмотрении российской идентичности респондентам предлагалось оценить утверждения, касающиеся ее гражданской и социокультурной составляющей. При рассмотрении позитивности гражданской составляющей российской идентичности средние оценки составили: я считаю себя гражданином России — 4,75; я горжусь тем, что я гражданин России — 4,28; я счастлив быть гражданином России — 4,21. Позитивность социокультурных оснований российской идентичности подтверждается следующими оценками: я чувствую себя частью российской культуры — 4,31, принадлежать к российской культуре — счастье для меня — 4,15. Существенных различий между опрошенными молодыми людьми в зависимости от национальности не выявлено. Выраженность и позитивность социокультурных оснований этнической идентичности для респондентов также высока: я считаю себя частью своего народа — 4,65; я горжусь своим народом — 4,52; я счастлив(а) быть представителем своего народа — 4,52; я ощущаю себя частью своей национальной культуры — 4,57. Чуть менее значима для респондентов оценка эмоциональной связи с Северным Кавказом: я считаю себя частью Северного Кавказа — 4,19; я горжусь тем, что я живу на Северном Кавказе, — 4,2. Для респондентов, относящих себя к северокавказским народам, эмоциональная связь с Северным Кавказом более значима, чем для русской молодежи (см. табл. 1). Можно говорить о высокой степени выраженности и позитивности социокультурных оснований российской, этнической и региональной идентичности у опрошенной молодежи региона, независимо от национальной принадлежности.

Важное значение при определении позитивности и неконфликтности социокультурных оснований этнической идентичности, формирующих благоприятный фон межэтнических отношений, играет оценка социальной дистанции между основными этноконфессиональными группами Северного Кавказа: русскими, православными, народами Северного Кавказа, мусульманами. В ходе исследования величина социальной дистанции между ними измерялась на основе выбора респондентами ряда вариантов действий (могу вообразить их своими родственниками, например, в результате заключения брака; представляю их как друзей; принимаю их как соседей, коллег по учебе/работе; не хочу рядом с ними жить, учиться/работать; предпочитаю вообще не видеть их в своем городе), каждому из вариантов присваивался балл от 1 до 5. Результаты исследования показали, что в целом социальная дистанция в полиэтничной молодежной среде Северного Кавказа низкая. Абсолютное большинство респондентов может представить людей другой национальности и вероисповедания своими друзьями и родственниками. При этом определенная дистанция между русскими и северокавказскими народами, православными и мусульманами существует, но она невелика и в настоящее время не является значимой причиной межэтнических конфликтов (см. табл. 2).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?» (СКФО, февраль — март 2022 г. N = 1235, средний балл от общего количества оценок)

Согласны ли Вы со следующими утверждениями?	Национальность		Всего, N = 1235
	Русские	Народы Северного Кавказа	
Российская идентичность			
Я считаю себя гражданином России	4,8	4,76	4,75
Я горжусь тем, что я гражданин России	4,36	4,26	4,28
Я счастлив(а) быть гражданином России	4,28	4,19	4,21
Я чувствую себя частью российской культуры	4,47	4,18	4,31
Принадлежать к российской культуре — счастье для меня	4,28	4,03	4,15
Этническая идентичность			
Я считаю себя частью своего народа	4,64	4,74	4,65
Я горжусь своим народом	4,43	4,68	4,52
Я счастлив(а) быть представителем своего народа	4,46	4,64	4,52
Я ощущаю себя частью своей национальной культуры	4,52	4,68	4,57
Региональная идентичность			
Я считаю себя частью Северного Кавказа	4,01	4,59	4,19
Я горжусь тем, что я живу на Северном Кавказе	4,07	4,47	4,2

Таблица 2. Оценка социальной дистанции между основными этноконфессиональными группами (СКФО, февраль — март 2022 г. N = 1235, средний балл)

	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам
Русские	4,76	4,11	4,46	3,82
Народы Северного Кавказа	4,08	4,51	4,0	4,58

О стабилизации межэтнических отношений и открытости молодежи к межэтническому взаимодействию свидетельствуют ответы респондентов на вопрос: «Сколько у Вас друзей другой национальности?» Так, 50% опрошенных ответили, что у них друзей другой национальности много, а 24% имеют нескольких друзей. Абсолютное большинство опрошенных открыто к межэтническому взаимодействию. При этом больше друзей другой национальности у респондентов, относящих себя к народам Северного Кавказа, и меньше — у русской молодежи (см. рис. 3).

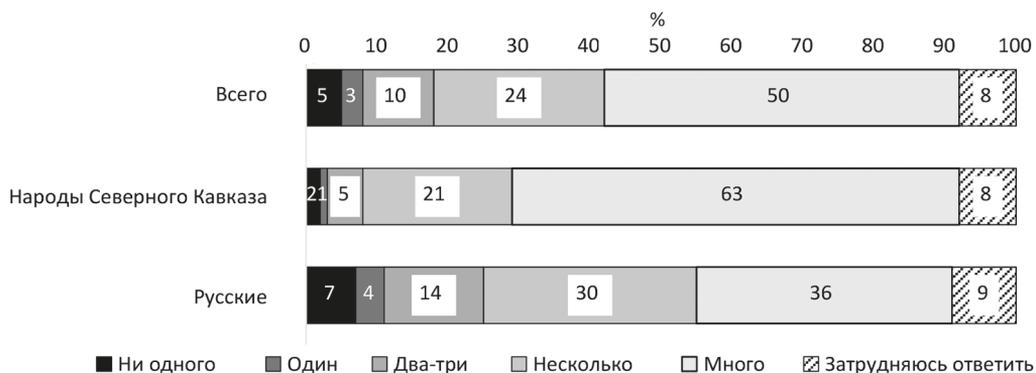

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько у Вас друзей другой национальности?» (СКФО, февраль — март 2022 г. N= 1235, % от числа опрошенных)

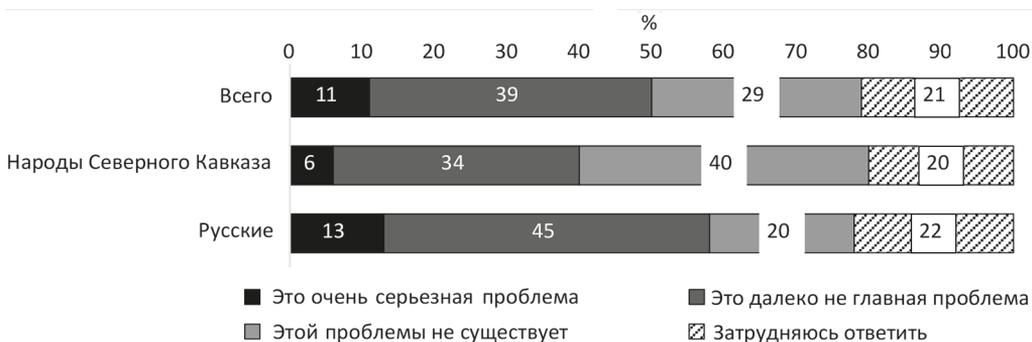

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, существует ли в Вашем регионе (республике) проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей?» (СКФО, февраль — март 2022 г. N= 1235, % от числа опрошенных)

По мнению 39% опрошенных, проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей является далеко не главной, 29% считает, что ее не существует, лишь 11% указали на серьезность проблемы межнациональных отношений. При этом отсутствие проблемности отмечает больше респондентов, относящих себя к северокавказским народам, чем русских по национальности (см. рис. 4).

В исследовании респондентам было предложено определить главную причину межнациональных конфликтов на Северном Кавказе. Такие причины, по мнению опрошенных, — враждебность и предубеждение к другим народам (26%), неприятие культуры и ценностей других народов (25%). Большинство респондентов видит причины конфликтности в социокультурной и эмоционально-психологической сфере. Этнополитические и социально-экономические факторы межнациональных конфликтов, такие как социальное и экономическое неравенство, носящее межэтнический характер (12%), радикальный национализм (12%), современные территориальные конфликты и земельные споры

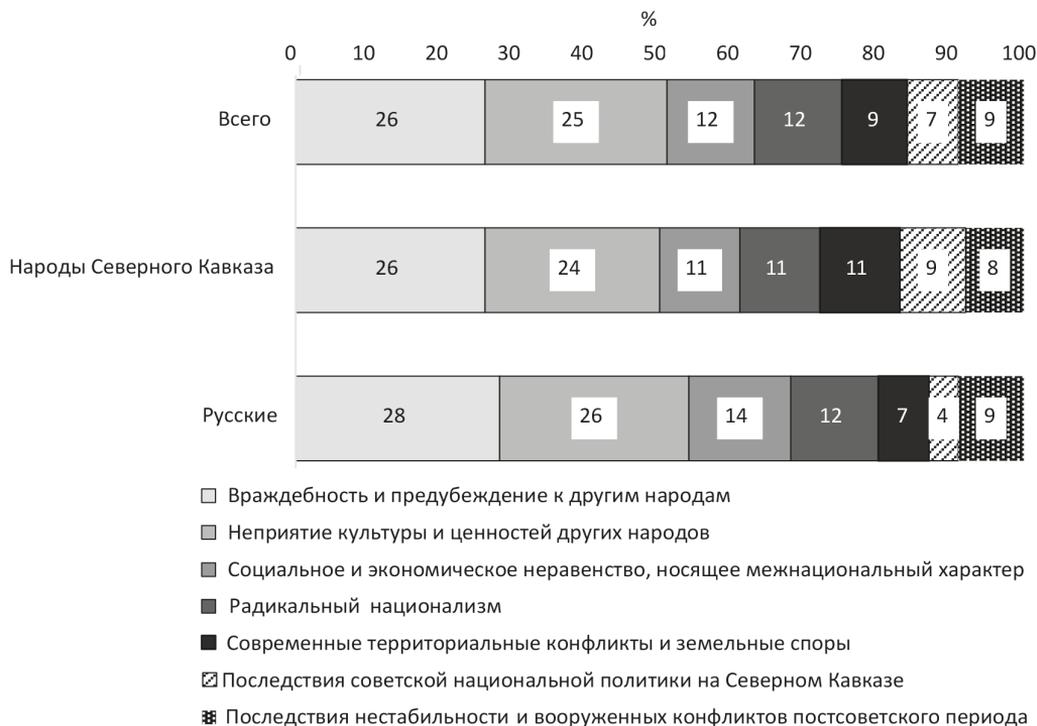

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является главной причиной межнациональных конфликтов на Северном Кавказе?» (СКФО, февраль — март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

(9%), по мнению молодежи, второстепенны. Не выявлено значимых различий в зависимости от национальной принадлежности респондентов (см. рис. 5). Можно предположить, что риски конфликтности межэтнических отношений перетекают из этнополитической и социально-экономической сферы в социокультурную.

Важной при определении рисков конфликтности межэтнических отношений является оценка молодыми людьми состояния межэтнических отношений на Северном Кавказе. Респондентам было предложено оценить состояние межнациональной напряженности по 5-балльной шкале. Абсолютное большинство (71%) считает, что уровень напряженности межнациональных отношений средний и низкий (оценки 1–3). Лишь 29% указали на высокую степень напряженности (оценки 4, 5). Респонденты, русские по национальности, в большей степени отмечают средний уровень напряженности (оценка 3), а опрошенные молодые люди, относящие себя к северокавказским народам, — низкий (оценки 1, 2) (см. рис. 6).

Пандемия COVID-19 и вызванный ей мировой социально-экономический кризис не ухудшили состояние межэтнических отношений на Северном Кав-

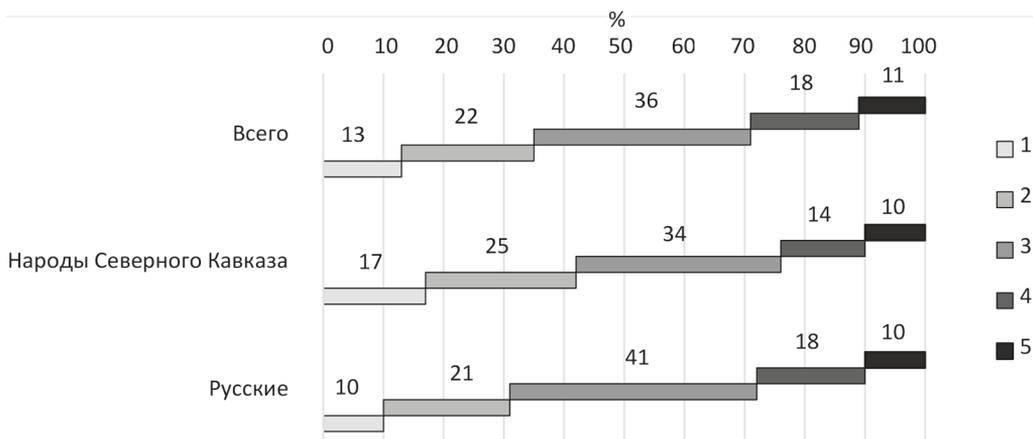

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените по 5-балльной шкале состояние межэтнической напряженности на Северном Кавказе» (Напряженность очень низкая — 1 2 3 4 5 — Напряженность очень высокая) (СКФО, февраль — март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

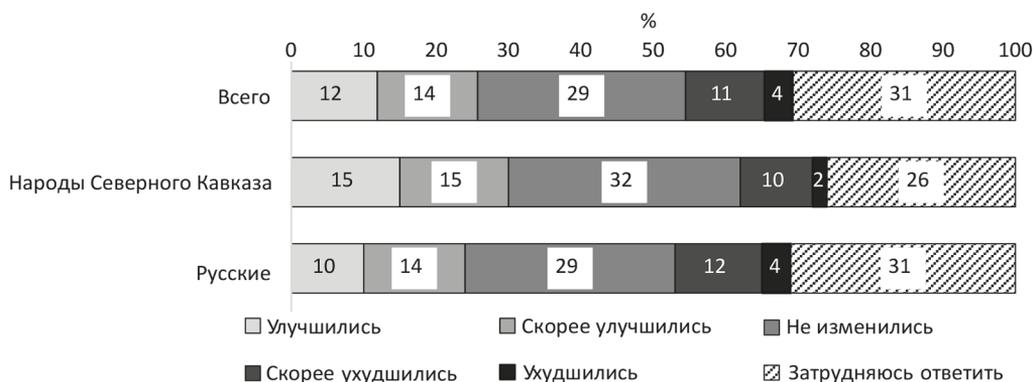

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «За последние два кризисных года межэтнические отношения в вашем регионе...» (СКФО, февраль — март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

казе. Так, согласно данным исследования, считает большинство опрошенных молодых людей: 29% отметили, что за последние два кризисных года межэтнические отношения в регионе не изменились, а 26% — улучшились и скорее улучшились. Значимых различий по национальности респондентов не выявлено (см. рис. 7). Это косвенно подтверждает, что этнополитические и социально-экономические факторы напряженности межэтнических отношений не являются определяющими. Ухудшение социально-экономической ситуации за последние два года не повлияло на состояние межэтнических отношений в регионе.

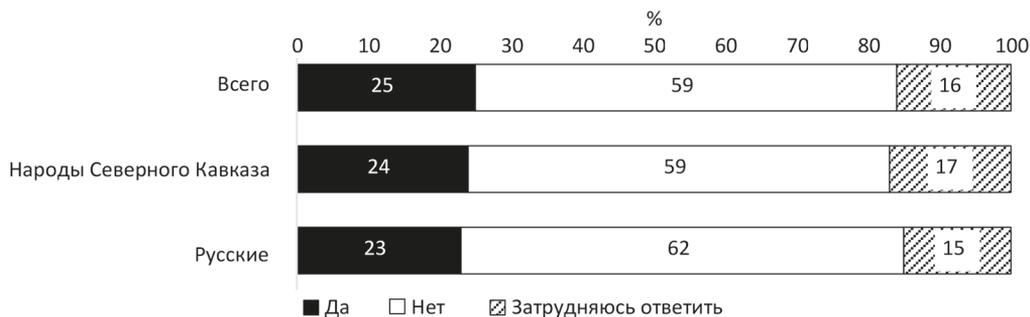

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?» (СКФО, февраль — март 2022 г. N = 1235, % от числа опрошенных)

Невысокий уровень межэтнической конфликтности на Северном Кавказе подтверждается и тем, что большинство опрошенных молодых людей (59 %) не сталкивалось с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была бы их национальность, однако риски конфликтов сохраняются, так как 25 % респондентов сталкивались с подобными ситуациями. Значимые различия в зависимости от национальной принадлежности респондентов отсутствуют (см. рис. 8).

Состояние межэтнических отношений на Северном Кавказе большинством респондентов оценивается как стабильное, при этом сохраняются риски конфликта идентичностей. Основными причинами межэтнических конфликтов респонденты считают враждебность и предубеждение к другим народам, неприятие культуры и ценностей других народов.

ВЫВОДЫ

В современном быстро меняющемся мире социокультурные основания идентичности подвержены значительным трансформациям под влиянием глобальных и региональных противоречий, что приводит к целому ряду разнонаправленных тенденций: от принятия и интеграции до роста нетерпимости и возрастания рисков социокультурной конфликтности. Социокультурное содержание взаимодействия идентичностей молодежи заключается в глубинном культурно-мировоззренческом противоречии между формирующимися современными посттрадиционалистскими основаниями идентичности и традиционалистскими основами макрогрупповых идентичностей. Для полиэтничной молодежи Северного Кавказа большое значение имеют совместимость различных ценностно-мировоззренческих систем, формирование установок на межнациональное согласие, толерантность, взаимодействие и интеграцию. Среди молодежи региона была выявлена высокая степень выраженности и позитивности социокультурных оснований российской, этнической и региональной идентичности. В значимости эмоционально-психологической связи с основ-

ными социальными группами (этнос, конфессия, страна, регион) установлена существенная вариативность в зависимости от национальной принадлежности респондентов. Определяющими консолидирующими индикаторами российской идентичности, по мнению молодых людей, выступают общее государство, ответственность за судьбу страны, общее историческое прошлое, русский язык и родная земля. В значимости основных макрогрупповых идентичностей проявляются значимые различия в зависимости от национальной принадлежности. Выявленные оценки отношения респондентов к российской, этнической и региональной идентичности свидетельствует об их сформированности, выраженности и позитивности. По мнению молодых людей, в межэтнических отношениях преобладают межэтническое согласие и доверие. Социальная дистанция между основными этноконфессиональными группами минимальна, вариативность в ее оценках в зависимости от национальности незначительная. О деполитизации этничности в представлениях молодежи свидетельствуют и оценки респондентами главной причины межнациональных конфликтов, которая лежит в социокультурной, а не политической и социально-экономической сфере. В настоящее время в полиэтничной молодежной среде Северного Кавказа преобладает тенденция к социокультурной интеграции и стиранию этнокультурных различий под влиянием глобального и российского инфокоммуникационного пространства. Это существенно снижает риски конфликтности межэтнических отношений в молодежной среде.

Литература

Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 81–91.

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. <http://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>

Ачкасов В. А. Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2021. № 1. С. 33–48.

Ачкасов В. А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 2. С. 41–61.

Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>

Калинина Е. Ю., Муходадаев М. О., Сморгунова В. Ю. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей: кризис современного правосознания // Правозащитник. 2017. № 4. С. 14.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 12. С. 92–103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103>

Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. науч. статей / под ред. Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.

Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 376 с.

Brubaker R., Laitin D. Ethnic and Nationalist Violence // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 423–452.

Giddens A. The Nation State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985. 399 p.

Gurr T. Why do minorities rebel? Federalism against ethnicity? // Institutional, legal and democratic instruments to prevent violent minority conflicts / G. Bächler (ed.). Zurich: Verlag Ruediger, 1997. P. 8–10.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. 720 p.

Jenkins R. Society and social identity // Encyclopedia of Identity / ed. by R. L. II Jackson, M. A. Hogg. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2010. Vol. 2. P. 766–773.

Rothman J., Alberstein M. Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. Vol. 28, no. 3. P. 631–657.

Авдеев Евгений Александрович — канд. филос. наук; ewg.avdeev@yandex.ru

Воробьев Сергей Михайлович — канд. полит. наук, доц.; sergey_vorobev_54@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 30 июня 2022 г.;

рекомендована к печати: 2 декабря 2022 г.

Для цитирования: Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101>

SOCIOCULTURAL BASES OF THE NORTH CAUCASUS STUDENT YOUTH IDENTITY: RISKS OF CONFLICT IN INTER-ETHNIC RELATIONS*

Evgenii A. Avdeev

North-Caucasus Federal University,

1, ul. Pushkina, Stavropol, 55017, Russian Federation; ewg.avdeev@yandex.ru

Sergej M. Vorobev

North-Caucasus Federal University,

1, ul. Pushkina, Stavropol, 55017, Russian Federation; sergey_vorobev_54@mail.ru

The article considers the sociocultural foundations of the Russian, ethnic, confessional and regional identity of the North Caucasus student youth. The influence of the formation and positivity of these identities on the nature of interethnic relations, the social distance between main ethno-confessional groups and the risks of conflicting identities is analyzed. The results of sociological survey in 2022 showed a high degree of severity and positivity of the sociocultural foundations of the Russian, ethnic and regional identity. Significant variability was found in the importance of emotional and psychological connection with the main social groups (ethnos, confession, country, region) varied from one ethnic group to another. These unifying socio-cultural meanings-symbols occupy an important place in the structure of the Russian identity of young people. Among youth, attitudes towards interethnic harmony, tolerance, interaction and integration prevail. The social distance between students who identify themselves with the main ethno-confessional groups is insignificant. Respondents' assessments confirm the trend towards depoliticization of ethnicity and a decrease in the conflict nature of the main macro-group identities. At the same time, the conflictogenic potential of the sociocultural foundations of young people's self-awareness is preserved.

Keywords: North Caucasus, youth, interethnic relations, risks of conflict, identity, social distance.

---

* This work was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists — candidates of science no. МК-431.2021.2

References

- Avksent'ev V. A., Gricenko G. D. Risk Factors in the Ethnopolitical Sphere of the North Caucasus. *Scientific Thought of Caucasus*, 2018, vol. 4, pp. 81–91. (In Russian)
- Avksentev V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D. Ethnicity in Conflicts: Ethnization of Politics and Politicization of Ethnicity. *Politicheskaja nauka*, 2020, no. 3, pp. 74–97. <http://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04> (In Russian)
- Achkasov V. A. North Caucasus: Multifactoral Ethnopolitical Tension. *Bulletin of Moscow University. Series 12*, 2021, vol. 1, pp. 33–48. (In Russian)
- Achkasov V. A. Ethnopolitical conflict as a consequence of the ethnicization of social problems. *Political expertise: POLITEX*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 41–61. (In Russian)
- Drobizheva L. M. The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2020, vol. 4, pp. 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261> (In Russian)
- Kalinina E. Iu., Mukhudadaev M. O., Smorgunova V. Iu. Ethnopolitical conflict as a conflict of identities: the crisis of modern legal consciousness. *Pravozashchitnik*, 2017, vol. 4, p. 14. (In Russian)
- Lapkin V. V., Pantin V. I. Ethnopolitical conflicts in the post-Soviet space: the role of foreign policy factors. *World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 12, pp. 92–103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103> (In Russian)
- Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia: Collection of scientific articles*, ed. by N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko. Moscow: RUDN Publ., 2009. 420 p. (In Russian)
- Tishkov V. A., Shabaev Iu. P. *Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2011. 376 p. (In Russian)
- Brubaker R., Laitin D. Ethnic and Nationalist Violence. *Annual Review of Sociology*, 1998, vol. 24, pp. 423–452.
- Giddens A. *The Nation State and Violence*. Cambridge: Polity Press, 1985. 399 p.
- Gurr T. *Why do minorities rebel? Federalism against ethnicity? Institutional, legal and democratic instruments to prevent violent minority conflicts*, ed. by G. Bächler. Zurich: Verlag Ruedger, 1997, pp. 8–10.
- Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985. 720 p.
- Jenkins R. *Society and social identity. Encyclopedia of Identity*, ed. by R. L. II Jackson, M. A. Hogg. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2010, vol. 2, pp. 766–773.
- Rothman J., Alberstein M. Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*, 2013, vol. 28, no. 3, pp. 631–657.
- Received:** June 30, 2022
- Accepted:** December 2, 2022
- For citation:** Avdееv E. A., Vorobev S. M. Sociocultural bases of the North Caucasus student youth identity: Risks of conflict in inter-ethnic relations. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101> (In Russian)